

Глава 4. По заветам Устава

Семнадцатилетний Чи Е не знал ни забот, ни хлопот. Выросший в достатке, он не переживал о том, к чему приведёт плохая успеваемость, и уж тем более не сомневался, что проведёт свой день рождения на полную катушку.

Как только пробили обеденный час, он прихватил Лу Фаньсина, Чжоу Мэна, Ли Цзялэ, Сю Цзяо и Чэн Цзиньюй, и вся компания дружно рванула в столовую.

Школьный комбинат питания занимал четыре этажа. На первом располагался супермаркет, на втором подавали обычную еду по карману каждому, третий этаж был отведён под учительскую зону, а четвёртый предлагал меню ресторанного уровня — ценник там, само собой, кусался по сравнению с этажами пониже.

Чи Е щедро разрешил друзьям заказывать что угодно, и компания с аппетитом проела больше двухсот юаней. После обеда они опустошили прилавки супермаркета, но поскольку проносить снеки в учебный корпус запрещалось, пришлось расположиться прямо на ступеньках у входа в столовую и доедать запасы там.

Сентябрьское солнце приятно припекало, с реки тянул лёгкий ветерок — в этом моменте было всё: и свобода, и беззаботная юность.

Сун Цзы, пообедав, как раз собирался вернуться в класс на тихий час. Выйдя на крыльцо, он увидел Чи Е и его свиту — те увлечённо резались в карты. Шумная компания мало привлекала его, привыкшего к одиночеству; он мазнул по ним безразличным взглядом и уже собирался уйти, как вдруг услышал голос Лу Фаньсина:

— Сегодня нашему Е-гэ стукнуло семнадцать! Ребят, поддавайтесь хоть немного, не позорьте именинника.

«День рождения?»

Сун Цзы невольно повернул голову. Чи Е сидел к нему полубоком, залитый солнечным светом. Кожа казалась почти прозрачной, профиль — чётким: высокий лоб, глубоко посаженные глаза, прямой нос и яркие губы. Признаться честно, парень был чертовски хорош собой.

Спускаясь по ступеням к учебному корпусу, Сун Цзы краем глаза заметил цветущую магнолию на клумбе и задрал голову. Под палящим солнцем белоснежные бутоны гордо теснились на ветках, окутывая дерево нежным облаком.

Стоило ему опустить взгляд, как кто-то сзади наткнулся на него. Сун Цзы пошатнулся, едва не потеряв равновесие, но кто-то вовремя придержал его за локоть. В уши полился мягкий, вкрадчивый голос:

— Ой, прости! Ты в порядке?

Сун Цзы выпрямился и посмотрел на девушку:

— Всё нормально.

Она убрала руку, на щеках проступил едва заметный румянец:

— Извини, я засмотрелась и не заметила тебя.

Сун Цзы не придавал этому значения и хотел продолжить путь, но девушка не отставала. Она поднялась вслед за ним на первый этаж. Он вопросительно на неё посмотрел, и та смущённо улыбнулась:

— Слушай, а из какого ты класса?

— Из восемнадцатого.

— Второй год старшей школы?

— Угу.

— Я Линь Суй. А тебя как зовут?

— Чи Е.

— Неправда, ты не Чи Е, — Линь Суй забавно зажмурилась. — Я знаю, как он выглядит. Его полшколы знает.

Сун Цзы ничуть не смутился и спокойно назвал настоящее имя:

— Сун Цзы. Сун — как династия, Цзы — как в «надменности».

Когда они поднялись на третий этаж, где располагались гуманитарные классы, Линь Суй замедлила шаг:

— Я из первого гуманитарного. Была рада познакомиться!

Сун Цзы остановился, окинул взглядом коридор и сухо напомнил:

— Ты пришла.

Линь Суй лучезарно улыбнулась:

— Тогда до встречи!

Она развернулась и пошла к своему классу. Сун Цзы проводил её взглядом, а когда повернулся к лестнице на четвёртый этаж, обнаружил двоих парней, которые стояли на пролёте и сверлили его недобрыми взглядами. Не желая ввязываться в неприятности, он просто обошёл их стороной.

***

На вечерней самоподготовке учитель физики передал стопку тестов старосте, чтобы тот раздал их классу. Чи Е, получив свой экземпляр, мазнул по нему глазами и небрежно отложил в сторону. Повернувшись к Сун Цзы, он увидел, что тот уже прилежно выводит своё имя в графе «ученик». Он хотел было сказать, что физик всё равно не собирает эти тесты, так что можно не утруждаться, но, вспомнив, что Сун Цзы жаловался на проблемы с Лицзуном, промолчал. Вместо этого он сам придвинул листок и принялся молча набрасывать решения.

Второй час самоподготовки Цзян Чжичжоу потратил на разбор теста по английскому, незаметно прихватил и третий час.

Последний урок прошёл без надзора учителей: кто-то занимался в тишине, кто-то вполголоса обсуждал задачи.

Чи Е разделался с физикой за десять минут до того, как Сун Цзы наконец отложил ручку.

— Е-гэ, тут такая задача по математике... — Лу Фаньсин обернулся с жалобным видом.

— Завтра разберём, — отмахнулся Чи Е. — Сун Цзы, дай свой тест, гляну.

Он вёл себя как заправский босс. Лу Фаньсин даже возмутился:

— Е-гэ, ну ты даёшь! Ему помогаешь, а меня динамишь.

— Тогда сегодня вечером забирай учебники и дуй ко мне, — Чи Е заметил, как Сун Цзы снова взялся за перо, и перевёл взгляд на друга.

Лу Фаньсин изобразил неподдельный ужас:

— Чур меня, брат!

Он тут же отвернулся и зарылся в свою физику. Сун Цзы тем временем протянул тест Чи Е. Тот взял листок, и он сразу заметил четыре аккуратных слова в самом верху: «С днём рождения».

Сердце Чи Е пропустило удар. Он искоса глянул на Сун Цзы, который уже листал учебник. Он отложил тест, вырвал чистый лист из черновика и быстро нацарапал: «Откуда узнал?»

Он подтолкнул бумажку соседу. Сун Цзы, явно не ожидавший такой переписки, мельком глянул на него, прежде чем прочитать.

Чи Е снова углубился в проверку теста Сун Цзы, отмечая ошибки красной пастой. Едва он успел поставить пару крестиков, как черновик вернулся.

«Случайно услышал».

Чи Е ничего не ответил. До конца урока он успел проверить весь тест, вывел жирную оценку «55 баллов», а под поздравлением приписал короткое: «Спасибо».

***

За пять минут до звонка Сун Цзы закинул рюкзак на плечо и покинул класс.

На лестнице тускло горели оранжевые лампы, отбрасывая на него длинную тень. Он вышел к клумбам и остановился перед магнолией, вглядываясь в белые лепестки.

Чи Е и Лу Фаньсин были «приходящими» учениками, поэтому после уроков они вместе отправились на велопарковку.

Стоило им спуститься с крыльца, как их нагнала Чэн Цзиньюй. Она похлопала Чи Е по плечу:

— Чи Е, слушай, я хочу замутить с этим Сун Цзы. Пособи, а?

Чи Е поморщился:

— Подруга, ты серьёзно? Парень только пришёл, а ты уже на него слюни пустила.

— Но он же нереальный красавчик! — мечтательно вздохнула Школьная красавица. — Если я не найду себе соответствующего парня, то зачем мне вообще гены родителей?

Лу Фаньсин вставил свои пять копеек:

— Сяо Юй, за школьные романы по головке не погладят. Устав заставят переписывать, родителей вызовут, расписку потребуют.

— Если вы не разболтаете, школа и не узнает, — отмахнулась она.

На парковке Чи Е оседлал свой байк и лениво протянул:

— Подожди хотя бы неделю, надо присмотреться к нему. А то вдруг он волк в овечьей шкуре? В прошлом году во второй школе один умелец обрюхатил девчонку и в кусты. И что с ней стало?

— И что? — в унисон спросил Лу Фаньсин.

Чи Е нажал на педали и бросил через плечо:

— Бросилась в реку. Выжила, но ребёнка потеряла, и своих детей у неё больше не будет. Жизнь под откос. А тот придурок через пару лет преспокойно женится на другой. Я тебе это говорю, потому что мы в одном классе, на других мне плевать. Не ведись на мордашку как дура.

Они выехали за ворота. Чэн Цзиньюй, как «живущая в общежитии», не могла выйти из школы и лишь тоскливо провожала их взглядом.

— Чи Е!

Парни только выкатились на главную дорогу, как кто-то окликнул Чи Е. В час пик у ворот было не протолкнуться. Он сначала подумал, что ослышался, но через полминуты зов повторился.

— Кто там ещё? — крикнул он в толпу.

— Сюда иди.

Лу Фаньсин первым заметил звавшего и указал на фонарный столб у обочины:

— Кажется, это Сун Цзы.

Чи Е удивился:

— Он? Чего ему надо?

Благодаря росту Сун Цзы его легко было найти в толпе. Чи Е подкатил к нему и, не слезая с велосипеда, с деланным безразличием спросил:

— Что такое?

Сун Цзы спешился, достал из корзинки на руле охапку магнолий и осторожно переложил их в корзинку Чи Е.

— Это ещё что за намёки? — Чи Е покосился на цветы.

Сун Цзы посмотрел на него. В свете рыжего фонаря Чи Е выглядел непривычно спокойным и даже... милым.

— Отец говорил, что отношения между людьми — это как действие силы в физике, — негромко произнёс Сун Цзы. — Чи Е, я новичок в восемнадцатом классе. Надеюсь на твою поддержку.

С этими словами он снова вскочил в седло.

Чи Е не был мелочным и прекрасно понимал суть вещей. Раз они заключили сделку, он будет играть по правилам. А раз есть договор, то всё остальное — пустяки. Хочет Сун Цзы сидеть рядом — пусть сидит.

Глядя на магнолии в корзине и вспоминая «С днём рождения» на тесте, Чи Е почувствовал, как лёд в душе тронулся.

— Спасибо. Цветы классные.

Сун Цзы кивнул и укатил прочь.

Лу Фаньсин подкатил к Чи Е, снедаемый любопытством:

— И чего он хотел?

— Да вот, цветы подарил, — Чи Е указал на корзину.

— С чего бы это?

Чи Е тронулся с места, едва заметно улыбаясь. Подставив лицо ночному ветру, он бросил:

— Подмазывается, не ясно, что ли?

— Постой, Е-гэ... У меня один вопрос. А где он их взял в одиннадцать вечера?

— Твою ж налево!!! Это же цветы Лао Чу!

***

Дома Чи Е ждал ужин — экономка приготовила ему традиционную «лапшу долголетия» и разложила подарки, присланные матерью.

— Каждый год одно и то же: гора шмоток и ни одного живого человека. Чем она там так занята? — Чи Е отодвинул коробки и принялся за лапшу. — Кому сдались эти побрякушки?

Тётушка Лю присматривала за Чи Е уже три года и знала ситуацию в семье. Огромная вилла видела только хозяйку, да и ту редко — его мать вечно пропадала в делах. Отсутствие внимания она компенсировала лучшими вещами, которые можно купить за деньги. Разве мог ребёнок не обижаться на такое материнство?

Проглотив пару ложек, Чи Е вспомнил про букет. Он бросил еду, выбежал в сад и занёс охапку магнолий из корзины велосипеда в дом.

— Тётушка Лю, найдите вазу побольше! Надо поставить.

Лю подбежала к нему и всплеснула руками:

— Ой, молодой господин, какая прелесть! Одноклассники подарили?

Чи Е усмехнулся:

— Ещё бы не прелесть. Наш декан их целый год выхаживал, пылинки сдувал. Ставьте скорее. Этот парень сделал то, о чём я только мечтал, — он вернулся к столу и снова взял миску. — Вот уж точно: новичкам закон не писан. Смельчак!

Тётушка Лю так и не поняла, о чём он, но на следующее утро, когда первый урок близился к концу, в восемнадцатый класс торжественно вошёл Лао Чу — декан Чу Цзяньхуа.

— Опа! Привет, Брат Чу!

— Опять вы? Кто на этот раз под раздачу попал?

— Я знаю! Слышали? Вчера вечером на клумбе магнолию под корень обглодали!

Восемнадцатый класс всегда был на передовой школьной жизни. С учителями, деканами и даже директором у них были отношения почти братские — панибратство здесь считалось нормой жизни.

Стоило Чу Цзяньхуа появиться, как весь класс замер в предвкушении зрелища. Если Лао Чу пришёл, значит, кому-то точно не поздоровится.

Чи Е с тревогой покосился на Сун Цзы, который старательно зазубривал английские слова. Тот, почувствовав шум, недоумённо поднял голову: сначала на незнакомого лысоватого мужчину у доски, потом на Чи Е.

— Сун Цзы, крепись! — вздохнул Чи Е и уткнулся в учебник литературы, делая вид, что очень занят Ли Бо.

Сун Цзы ничего не понимал и уже решил, что его это не касается, как вдруг Чэн Цзиньюй громко возмутилась:

— И кто этот смертник? Кто посмел обобрать нашего «Мастера садоводства»?

Сун Цзы замер. Он крепче сжал учебник.

Чу Цзяньхуа хлопнул ладонью по столу, призывая к тишине. Когда в классе воцарилась гробовая тишина, он выудил из кармана фотографию и прикрепил её к доске.

Снимок был сделан с камеры наблюдения: зернистый, тёмный, но лицо нарушителя читалось безошибочно. Именно эта улика привела декана в восемнадцатый класс.

— Прошу прощения, что отнимаю время у вашей самоподготовки. В часы, когда память работает лучше всего, вы должны грызть гранит науки, а не слушать меня. Но почему я здесь? Потому что я считаю: настоящий ученик — это не только багаж знаний, но и культура поведения. Один из вас уже упомянул причину моего визита. Верно: магнолия, которую я растил с такой любовью, вчера вечером подверглась варварскому набегу. Любовь к прекрасному похвальна, это в человеческой природе, кто же не любит цветы? Верно я говорю?

Весь класс, кроме Сун Цзы, хором ответил:

— Верно!

— Вот именно, — Чу Цзяньхуа засучил рукава и повысил голос. — Как сказано в книгах: «Благородный муж жаждет богатства, но добывает его честным путём». Перефразируем: «Благородный муж любит цветы, но разве должен он добывать их ТАК?»

— Нет!

— В таком случае, — отчеканил декан, — пусть герой с этой фотографии проследует за мной в кабинет.

Класс зашушукался, гадая, кто же этот безумец, и только Лу Фаньсин и Чи Е не сводили глаз с Сун Цзы.

Через секунду Чи Е наклонился к соседу и прошептал:

— Все растения в этой школе посажены Лао Чу. У него в жизни две страсти: дрессировать оболтусов и копать в земле. Мы его зовём «Мастер садоводства».

Лицо Сун Цзы оставалось непроницаемым. Он медленно поднял руку:

— Это я сделал.

Он встал из-за парты.

— Ого! Да это же наш школьный красавец! — ахнул Ли Цзялэ.

— Бог мой! Сун Цзы, ты что ли? — вытаращилась Чэн Цзиньюй.

Чу Цзяньхуа посмотрел на него и буднично бросил:

— За мной.

Сун Цзы кивнул. Когда он уже собрался выйти в проход, Чи Е вдруг схватил его за левое запястье. Тот обернулся.

— Брат, слушай Лао Чу, кайся во всём. Чистосердечное облегчает душу! — Чи Е соорудил плаксивую мину, прежде чем отпустить его. — Я попрошу Син-сина купить тебе завтрак. Те самые крабовые баоцзы с четвёртого этажа.

Сун Цзы не смог скрыть брезгливости на своём идеальном лице. Получив свободу, он последовал за деканом.

— Брат, помни: чистосердечное признание! — донеслось ему вслед.

Как только дверь за ними закрылась, скорбь на лице Чи Е мгновенно испарилась.

— Е-гэ, ну ты и хитёр! — обернулся Лу Фаньсин. — Заботишься о соседе за мой счёт? Баоцзы-то не дешёвые.

— Е-гэ! — Ли Цзялэ тоже повернулся. — Если я сяду с тобой, можно мне на завтрак масляный чай и крабовый баоцзы?

Чи Е открыл учебник и с пафосом продекламировал:

— «В поиске долгом, в холодном томлении, в горести тяжкой, в печальном забвении...»

Друзья лишь синхронно закатили глаза.

***

После урока Чи Е не пошёл в столовую, а притаился у кабинета декана. Вскоре оттуда вышел Сун Цзы.

— Ну что, Цзы, как улов? — Чи Е выдал это с подобием северного акцента.

— Устав. Три раза, — ровно ответил Сун Цзы.

У Чи Е едва глаза на лоб не полезли:

— Три раза?!

Сун Цзы продемонстрировал «Устав Первой городской средней школы», который ему вручил Чу Цзяньхуа. Десять страниц убористого текста.

— В Уставе тридцать тысяч знаков. Три раза — это девяносто тысяч. У нас каждый знает: один раз перепишешь — рука отвалится; три раза — рассудок помутится; десять раз — душа покинет тело, — прокомментировал Чи Е.

— Мне плевать, — бросил Сун Цзы.

В классе их тут же окружила Чэн Цзиньюй. Узнав о наказании, она тут же вызвалась переписать одну копию за него. Чи Е, не раздумывая, согласился от имени соседа.

Вернулся Лу Фаньсин, выудив из-за пазухи горячий баоцзы:

— Едва не разорился.

Ли Цзялэ достал из карманов молоко и варёное яйцо:

— В следующий раз сами идите. Студсовет на входе лютует, еду отбирают. И Лао Чу там же трётся.

— На, подкрепись, — Чи Е протянул баоцзы Сун Цзы. — Считаю это компенсацией от Е-гэ. — И повернулся к Ли Цзялэ: — А он-то там что забыл?

— Известно что. Влюблённых ловит! — Ли Цзялэ достал из рукава сосиску.

— Ага, — подхватил Лу Фаньсин, выживая из другого рукава палку колбасы толщиной с детскую руку. — Ищет парочки, чтобы их с позором разлучить.

Чи Е отхлебнул молока и, очищая яйцо, философски вздохнул:

— Ростки любви безжалостно растоптаны сапогом правосудия.

Он покосился на Сун Цзы, вспоминая вчерашние слова Чэн Цзиньюй, и понизил голос:

— Слушай, Цзы, а ты сам-то как? Планируешь с кем-нибудь мутить?

— С кем это он должен мутить? — встрял Ли Цзялэ.

Сун Цзы проглотил кусок и едва заметно покачал головой:

— Нет.

— Это ещё почему? — Чи Е пододвинул стул поближе. — С такой внешностью и без интрижек — преступление против природы.

Сун Цзы открыл Устав на первой странице:

— Здесь сказано: «Ранние чувства — учёбе помеха. Сдай ЕГЭ на отлично — залог успеха». Без любви я — бог.

— Ой, да ладно! — фыркнул Ли Цзялэ. — Тот, кто писал этот Устав, явно был старым девственником. Выдумывают правила, лишь бы рождаемость в стране угробить.